

..

Я не был уверен, когда именно я начал осознавать. Это не было внезапно, как пробуждение. Это было больше похоже на сон. Сначала появилось чувство осязания: лицо, губы, нос. Затем я почувствовал другие вещи, как будто тело, но не тело. Я не мог пошевелиться.

Кажется, я спал. Я не знал, сколько прошло времени, и прошло ли оно вообще. Я осознавал и не осознавал.

Я существовал.

Может быть.

У меня были пальцы. Когда это произошло? Я согнул руку, движение получилось неловким и неуклюжим. Ноги у меня тоже были. Я пнул один раз, чтобы проверить мышцы, но движения были скованными, словно я находился в толстом эластичном мешке.

Я спал.

Было тепло или, может быть, звук. Но не тепло. Это было не совсем тепло, но это было самое близкое сравнение, которое я мог подобрать. Оно было вокруг меня, как завеса белого шума. И оно было внутри меня. Оно текло и перетекало, как вода, и я обнаружил, что, если уделять ему особое внимание, можно двигать его вперед и назад. Это было похоже на игру - толкать и тянуть тепло из груди в пальцы ног.

Но это было и утомительно.

Я так устала.

Я спал.

Мне стало легче двигаться. Я часто пинался и тянулся, ища в темноте хоть что-нибудь.

Но ничего не было. В конце концов я успокоился.

И задремал.

А потом я проснулся.

Тепло, которое до этого момента было приятным потоком, хлынуло, как прорвавшаяся плотина, и внезапная сила едва не ошпарила меня. Я потянулся к пустоте, а вокруг меня, как

молния, полыхало тепло.

Взволнован.

Нет, в ужасе.

Я ударил ногой. Но тепло по-прежнему пульсировало и потрескивало. Оно больше не вливалось в меня непрерывным потоком. Нет, оно текло вокруг меня. И я внезапно устал.

Так, так устал.

Я задремал.

...

Мне было холодно.

...

У меня были глаза. Конечно, у меня были глаза.

Но что-то было не так. Все было размыто.

Почему я так долго не мог вспомнить, что могу видеть?

И почему мне не пришло в голову открыть их, пока я находился в этом теплом месте?

Здесь тоже было тепло, но оно было другим, не таким, как утешительное тепло, которое струилось в моем животе. Оно было другим, чужим. Оно струилось по моим рукам и шее. Ощущение было странным.

Неестественно.

Мои мышцы тоже были странными. Я разгибал конечности и брыкался, но в теплом месте не было ни подъема, ни спада, как будто гравитация не властвовала надо мной.

Но здесь? Здесь все было по-другому.

Я даже не мог поднять голову. Я попытался позвать, но мои губы были слишком пухлыми, а

язык не помещался во рту.

Где-то плакал ребенок.

Я заснул.

Когда я проснулся, вокруг меня стояли гиганты, монолитные существа, чьи очертания я едва мог разобрать. Они могли подхватить меня на руки и нести так, словно я ничего не весил.

Я закричал от ужаса, но снова услышал лишь крик ребенка.

Я остановился, чтобы прислушаться, и ребенок тоже.

И тут наконец-то, наконец-то меня осенило.

После одной небольшой панической атаки и одного серьезного экзистенциального кризиса моей следующей задачей было выяснить, где именно я переродилась. Это было нелегко, поскольку мое младенческое тело не хотело ничего, кроме еды, сна и теплых объятий, что мешало сосредоточиться на чем-либо достаточно долго, чтобы действительно об этом думать. Я понял, что в утробе матери что-то пошло не так, потому что меня поместили в инкубатор. К моим рукам и шее было подсоединено несколько капельниц для подачи питательных веществ.

Я также смутно ощущал гигантов (взрослых), которые появлялись и исчезали. С каждым днем мое зрение становилось все четче, пока я не смог различать лица. На большинстве взрослых была очевидная униформа медсестер, и все они были азиатского происхождения, хотя многие приходили с дикими волосами цвета техники.

Несмотря на смену состава, в первые несколько недель меня регулярно навещала небольшая группа людей. Это была, очевидно, семья: мать, отец и двое их детей. У них были классические японские черты лица: темные волосы и глаза, а также бледная кожа. Женщина была молодой, лет двадцати пяти, симпатичной, с доброй, грустной улыбкой. В руках у нее всегда был маленький сверток - ребенок. Второй ребенок тоже был маленьким, возможно, четырех или пяти лет. У него были черные волосы длиной до плеч и широкие умные глаза, которые с внимательным любопытством следили за малейшим моим движением. Мужчина был старше и с каменным лицом смотрел на меня.

После чуть более месяца пребывания в больнице именно они приехали за мной.

Жизнь вне инкубатора была... трудной.

Когда я был маленьким, у меня не было большой подвижности. Когда я попытался поднять голову, то обнаружил, что у меня не хватает сил. Когда я пытался пошевелить руками, они болтались, как лапша. Когда я попытался заговорить, мой язык оставался раздражающе невосприимчивым. У меня не было возможности двигаться или общаться, кроме как плакать, чего моя гордость не позволяла, если только я не была в настоящем отчаянии. Меня ждали долгие часы сна и скуки, хотя это и позволяло мне наблюдать за окружающим миром.

Странно, но тепло, которое я заметила еще в утробе, было не только во мне. Оно было во всех. Когда кто-то входил в мою комнату, я чувствовала его раньше, чем видела или слышала. Ощущение было тусклым, как тепло от свечи, но если я концентрировался, то мог почувствовать их тепло и то, как оно струится по их телам. Если я очень, очень сильно концентрировался, то мог даже почувствовать их в коридорах и внизу, но ощущение было настолько слабым, что могло показаться, что это мое воображение. Я не мог экспериментировать слишком много, так как это неизбежно приводило меня к истощению.

Когда я не дремал и не пытался устроиться поудобнее в своем новом теле, я внимательно вслушивался в слова, произносимые вокруг, отчаянно пытаюсь уловить звуки и собрать их в нечто, напоминающее связное слово или предложение. Мой мозг, еще технически младенческий, был похож на губку, впитывающую все. Родители пока не пытались активно учить меня чему-либо, хотя мужчина иногда говорил "Ту-чан!". Папа говорил медленно и с преувеличенными движениями рта. Я пытался подражать ему, но ближе всего у меня получалось "Ха-Ха!", да и то не более чем пара резких выдохов. Женщина попыталась сказать "Каа-чан!". Мамочка. Но лучшее, что я смогла сделать, это "Хаа-Ха!" Несмотря на неудачную попытку, она засияла и что-то сказала мужчине, который улыбнулся, что резко контрастировало с его обычно стоическим выражением лица.

Я делила детскую с другим ребенком, который оказался мальчиком. И, если я правильно угадал, его звали Сасукэ. Старшего мальчика звали Итачи, что было странно, но я предполагал, что есть люди, которые увлекаются аниме, что подтвердилось, когда я заметил веер Учихи на спине мальчика. Видимо, они тоже увлекались косплеем, но бывают судьбы и похуже, подумал я. Я также запомнила свое имя, которое, судя по всему, было "Киё".

У Итачи была своя комната в конце коридора, но он почти всегда тяготел к нашей комнате, чтобы поиграть или вывести нас в сад, что было довольно опасно. Я не пробыл в больнице и недели, как простудился и был снова помещен в нее. Семья оставила меня там на ночь для наблюдения.

Там я и находился, когда это случилось.

Я вскочила на ноги, вскрикнув от кошмара, от ревуущего монстра, чей гнев прорезал меня, как нож, утопив в сыром ужасе. Но пока я метался по комнате, приходя в себя так, как не приходил с момента своего перерождения, кошмар не исчезал. Рев становился все громче, снаружи доносились грохот и крики. Мой крик оборвался, когда я беспомощно застыла в своей кровати. Я не могла пошевелиться. Я не могла дышать. Я не могла даже думать.

Все, что я могла делать, - это лежать и ждать смерти.

В конце концов жуткое присутствие исчезло, исчезло настолько, что все это могло бы показаться сном, если бы не томительное чувство ужаса, висевшее в воздухе как густой туман. Я прождал там всю ночь, тихий, спокойный и одинокий, пока не пришла медсестра, чтобы проведать меня. Она была взволнована, ее широкие глаза окинули меня одним взглядом, после чего она кивнула и поспешила уйти.

Ее белая униформа, обычно безупречная, была испещрена красновато-коричневыми пятнами.

Я был очень, очень тихим.

Вместе с дневным светом пришли моя мама и братья. Она окинула меня встревоженным взглядом и погладила по маленькому пучку волос. Итачи тоже выглядел облегчённым и в знак приветствия легонько ткнул меня в щёку. Я хныкнул - первый звук, который я издал после случившегося, а он выглядел грустным.

Они приходили ко мне каждый день в течение двух недель моего пребывания в больнице, пока моя простуда не прошла и медсестры не отправили меня домой. Итачи взял меня и маленького Сасукэ на прогулку среди тяжело нагруженных повозок, которые волею гнали по улицам в неизвестном направлении. Уже одно это заставило меня насторожиться. Кто в наше время использует волов? Но это было не единственное, на что я обратил внимание, когда наконец-то смог осмотреться. Здания были странными, все кривые и со странными углами, с граффити и плакатами в самых труднодоступных местах. Создавалось впечатление, что строители были лишь мимолетно знакомы с архитектурными стилями, и многие из них выглядели так, будто все еще стоят благодаря силе надежд и мечтаний.

Мое замешательство переросло в беспокойство, но только когда Итачи завернул за угол и в поле зрения появился памятник Хокаге, истина поднялась и ударила меня по лицу.

О, нет.

Я возродился в мире Наруто.

В клане Учиха.

До резни.

И я был совершенно...

-абсолютно...

-совершенно -

-отвернут.

...

<http://tl.rulate.ru/book/104188/3644120>